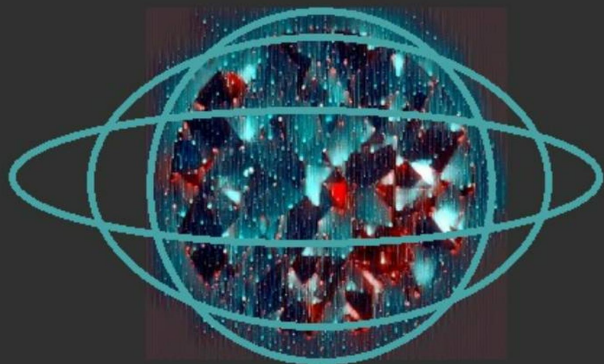

Патраицкая Н. В.

ШКАФ за ЧУВСТВА

повесть

Патрацкая Н.В.
Шкаф за чувства

<https://litres.ru/74137659>

SelfPub; 2026

Аннотация

В заброшенном здании находят старый шкаф, который оказался настолько загадочным, что излучает мистические чувства.

Содержание

Повесть	4
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Патрацкая Н.В. Шкаф за чувства

Повесть

Некий Самсон улетел за океан. У него было свое спортивное хобби: он любил играть в хоккей. А теперь он сидел на крыше своей гостиницы-небоскреба и болтал ногами, посматривая вдаль. Сегодня на его долю свалились неприятности мирового масштаба. Его бесконечно грустные глаза осматривали зону действия без доступа в сеть взаимосвязей. Он тосковал о бескрайних просторах совсем другой страны. Да, там бы его никто не загнал на крышу небоскреба, поскольку там их не было, в том смысле, что на бескрайних просторах не было смысла строить небоскребы. Да и зачем скрести небо зданиями, если есть обыкновенный простор для счастья?

Так вот в чем дело! Скрести можно лед коньками, которые он бросил в гостинице. Вот пусть они там и лежат! Нет, он не хоккеист! Хотя, как сказать: этот вид мужского спорта он любил с детства. Сколько себя Самсон помнил, он всегда себя помнил на коньках на ледяной арене. Ну почему он сломал клюшку о голову именитого хоккеиста?! Вот теперь сидит на крыше, сбегаая от всех видов наказаний, а тот хок-

кеист только пошатнулся.

«Так, с этого места поподробнее, пожалуйста», — сказал он сам себе. Ключка сломалась, а соперник только покачнулся. Значит, клюшку кто-то повредил до выступления! Тогда за что его наказывать? Что он такого сделал? В этот момент над ним закружил вертолет. Голос, усиленный микрофоном, приказывал Самсону подняться на борт вертолета. Вертолет опустился на крышу небоскреба. К нему подбежал его тренер и попытался словами воздействовать на своего подопечного хоккеиста.

— Самсон, все в порядке! Тебя никто ни в чем не обвиняет! Некто хотел занять твое место в сборной команде и довел тебя до бешенства. Платон подточил твою клюшку, а потом ловко замазал слабое место. Да, Платон — именитый хоккеист, но его время в прошлом. Ты — наше будущее!

Самсон, медленно отталкиваясь руками, стал отползать задом от края здания. И в этот момент над ним оказалась еще одна птица. Ее огромные черные крылья отбросили тренера к вертолету. Нечто оранжевое склонилось над Самсоном. Красный клюв схватил хоккеиста за жилет и оттащил его от края вселенной. Еще пара секунд — и кондор во всей своей красе поднял Самсона над крышей. Молодой человек парил над небоскребом, ощущая всю прелесть розоватых лап птицы.

Кондора только накануне выпустили на волю из клетки, гордую птицу тянуло в город. Он воспринимал здания как

горы. Люди для него были потенциальной падалью, и их было много. От человека, сидящего на краю крыши, веяло вечностью, его жизнь висела на волоске, он уже был падалью, значит, он был потенциальной пищей. Кондор воспринял вертолет как соперника и решил отобрать у него свою пищу, что он и сделал.

Самсон нервно схватился за кольца на лапах птицы, чтобы не уйти в свободный полет между гигантскими зданиями. У него не было страха, он прошел это чувство, сидя на краю крыши. Азарт — вот что владело им в полной мере! Он летел! А тренер остался ни с чем. Пусть теперь тренирует хоккеиста Платона. Жизнь была прекрасна. Кондор почувствовал хватку жертвы, скопил на человека красные глаза и полетел над океанским побережьем. У кондора на примете было одно место, где никто не помешал бы ему съесть свою жертву.

Вертолет закружил над кондором. Но птица, сложив крылья, практически нырнула в золотистые листья кленов. Самсон почувствовал, что когти разжалась, и он сам отпустил кольца на лапах. Молодой человек приземлился на опавшие листья клена и с восхищением осмотрел диковинную птицу. Кондор сел на ближнюю скамейку и безвинно взирал на человека. Они друг другу понравились. Где-то верху кричал тренер в мегафон, но это никого не волновало.

Самсон подошел к кондору, погладил черное оперение и почувствовал в нем родственную душу. Оставалось приду-

мать, как им жить дальше. Почему-то Самсон ощутил в кондоре неуверенность, словно он был первый день на свободе. Решение пришло мгновенно, но показалось нелепым.

Где жить хоккеисту с кондором? Конечно, на льду! Самсон привык носить на себе вес хоккейной формы. Кондор весил не меньше. Он погладил птицу и почувствовал, что его погладили в ответ. Цирк на льду! Если из него не получился выдающийся хоккеист, то из него вполне получится ледовый циркач с живыми крыльями кондора на плечах.

Кондор распахнул свои трехметровые крылья, показывая белые полосы. Дух у Самсона перехватило от такой красоты. «Мы сработаемся», — подумал он. И кондор обнял его огромными крыльями в знак согласия. Между ними возникла взаимосвязь, еще неосознанная, трепетная, но она нарастала и крепла с каждой минутой. Не успел он помечтать о выступлениях с кондором, как огромная птица взмахнула крыльями и улетела.

Поездка за океан оказалась короткой, и теперь Самсон лежал на вращающемся ложе, которое крутилось мимо замкнутого панорамного экрана. Он не любил переключать каналы, но любил переключать судьбы людей. Перед ним проплывали горы и долины, реки и водопады. Он не любил сидеть, но любил лежа рассматривать пейзажи земли. Он лежал и смотрел по сторонам, пока в его голове не возникало нечто неосознанное, которое вскоре превращалось в определенную мысль.

Нет, что ни говори, а для ощущения счастья нужна победа, пусть даже очень маленькая, но такая нужная!

И тогда серое, непроницаемое небо не угнетает сознание. И все хорошо! Явно Самсона совесть не терзала, но он был на краю гибели, значит вина грызла его изподволь.

Друг Самсона, Платон, был гибким мужчиной, легким на подъем. Вес на его теле так равномерно распределялся, что он казался просто прекрасным, что Анфисе весьма импонировало. Он знал и чувствовал дерево в любом его проявлении, но что касалось техники — тут у него был полный провал. Машину водить он умел, но без особой легкости, хотя имел права на вождение. Вообще он весь был отголоском прошлых веков. Последнее время он вновь воспылал любовью к Анфисе. Она пыталась увильнуть от его назойливой любви, но чем больше она его отсылала, тем настойчивее он становился.

Если Платон любил Анфису, то кто из них сильнее любил? Непонятно. Она могла бы с ним и на футбол пойти, но он за футболистов не болел. А у Анфисы даже шарфик фирменный был. Не болельщик он футбольный, а наглый молодой муж, поэтому Платон Анфисе и нравился.

Вечером они были на ночной дискотеке. Музыка гремела, цветомузыка вращалась и посылала импульсы в толпу танцующих людей. Анфиса танцевала так, что от нее постепенно все отпрыгивали в сторону. Она же почти настоящая тан-

цовщица, и на нее интересно смотреть. Платон остановился и посмотрел на ее танец, за ним остановились все, и Анфиса вытанцовывала в одиночку.

На нее нашло вдохновение танца!

Приятно! Анфиса находилась в центре внимания публики, в центре цветовой настройки танцевального поля, в центре музыки. Подошел к ней Платон после танца, и они пошли на улицу. Погода прохладная. Нуль или ноль градусов. И они два нуля. Но сейчас не об этом.

Нечто подобное вспоминала Анфиса, пока ставила рыбу, залитую майонезом, в духовку. Платон любил картофельное пюре со сливочным маслом и молоком, этим она и занялась. Накануне он привез сетку картошки, сетку свеклы и все остальные овощи. Она открыла дверь своему снабженцу и вновь пошла на кухню. Он сам знал, что ему делать с овощами. В нем не было эксцентричности, но была основательность, в нем не было любовной суеты, но любил он душевно. Анфису устраивала домашняя любовь без особых требований.

— Анфиса, я смотрю, все стулья на месте.

— Платон, а куда им деваться, все они здесь. — сказала она, снимая передник, оставаясь в платье, облегающем фигуру.

— Как ты хороша в платье! А то ходишь в брюках, словно ты не женщина!

— Я для тебя платье надела.

— А хоть бы и так, все одно приятно, глаз мой мужской радует. Хочешь знать, где я стул срисовал? Мы можем туда вдвоем съездить, если довезешь на машине. Это старая усадьба, музей писателя.

— Ой, Платон, вот почему мне на этом стуле хорошо думается!

— Угодил, стало быть, и то славно.

Через некоторое время Платон бросил Анфису по неизвестной для нее причине и вернулся к матери, видимо, у нее квартира была больше.

— Привет! — воскликнул Платон, встретив на лестничной площадке Анфису. — Я соскучился.

— Быть не может, — без эмоций возразила Анфиса.

«Жесть!» — подумала Анфиса и пошла дальше, у нее не было денег на покупку Платона. Она представила, как он в магазине купил куклу. Платон после очередного своего ухода от Анфисы действительно перешел жить к матери.

Поскольку квартиры располагались на одной лестничной площадке, то появление Степана Степановича в квартире Анфисы соседи заметили. Но Инесса Евгеньевна ради сохранения своей внешности мускулом на своем лице не дрогнула. Да и Степан Степанович при встрече спокойно пожал огромную руку Платона.

— Люди! — хотелось крикнуть Инессе Евгеньевне, когда она одна сидела в большой и пустой квартире. Когда женщина дома одна, ей прислуга не нужна, она влачит ленивое

состояние. Она занималась тем, сем, потом ей это надоело. Одним словом — никого дома, надо же было ей придумать себе такой ленивый выходной день!

Инесса Евгеньевна, директор антикварного магазина, отдыхала от людей и суеты. Она достала обруч и стала крутить его вокруг своей талии. У нее замечательные ногти. Великолепная грива толстых волос украшает ее голову, которую она мыла два раза в неделю, и волосы прекрасно лежали в причёске и жирными не становились. Бог ее не обидел. Иногда она считала себя излишне худощавой. И вот такая женщина с огромными серыми глазами и миловидным лицом сидела дома по собственной инициативе и страдала от безделья, ею же созданного!

Поэтому Инессу Евгеньевну вполне устраивало возвращение сына Платона из соседней квартиры, с ним она становилась более обеспеченной. Его деньги шли в общий карман семьи из двух человек, деньги жене он не давал, если жил дома.

Анфиса почувствовала нехватку денег с тех пор, как от нее ушел Платон, но просить деньги у него она не могла; вот и пошла на аферу со стулом, а стул и впрямь оказался родом из восемнадцатого века, можно сказать, почтенной копией стула знаменитого писателя! «Вот тебе и легенда, — подумала Анфиса. — И придумывать ничего не надо, это на самом деле копия стула великого писателя восемнадцатого

века! Надо только каким-то коленом к этому писателю примазаться, как масло на хлеб». Она медленно обошла домашнюю библиотеку, обнаружила одну книгу великого писателя, прочитала биографию.

Все складывалось лучшим образом: они с писателем жили почти рядом по меркам огромной страны. Так что там бабка о своей бабке могла сказать? Это надо было придумать. Анфиса окунулась в книгу писателя, бывшего владельца настоящего стула.

Заказчиком стульев восемнадцатого века был тот самый продавец из антикварного магазина. Звали его Родион. В магазине один покупатель забыл буклет с фотографиями усадьбы писателя. Родиону один стульчик на буклете очень приглянулся. Он его и заказал в фирме Степана Степановича, а Платон съездил в усадьбу и снял размеры с оригинала. Еще Родион был наслышан, что есть испытательные стенды, на которых можно провести процесс старения изделий, в том числе и мебели. Он хотел купить себе машину с большим багажным отсеком для перевозки мебели.

Директором антикварного салона мебели в то время работала Инесса Евгеньевна, именно она обмолвилась Родиону о стендах, которые были в фирме Платона. Родион покался, что стульчики он заказал, она его пожурела и похвалила, так они сообща купили двенадцать стульев и положили их на склад. Шесть стульев прошли несколько иной путь в доме Анфисы.

Инесса Евгеньевна сразу сообразила, что Анфиса пошла правильным путем по старению стульев, дальше они сами с Родионом справились с двенадцатью стульями. Перед Инессой Евгеньевой лежал график ее личного старения, его знакомый экстрасенс составил: что было, что будет в плане ожидаемых болезней. А что, очень похоже. Инесса Евгеньевна от кривой своей старости особо не отклонялась. Получается, что жизнь похожа на гладиолус, бутоны раскрываются снизу и постепенно подбираются к верхушке цветка.

Гладиолусы бывают маленькие, с небольшим количеством цветков, а бывают породистые, ну очень большие. Каждый цветок что-то да обозначает, что бы он ни обозначал, а смысл один: больше цветков — длиннее жизнь. Инесса Евгеньевна претендовала на большую жизнь, то есть на большой гладиолус. Вредных привычек у нее не было, а это сразу давало значительный довесок к возрасту.

Инесса Евгеньевна, женщина от природы властная, сыну подчинялась с полуслова. Она переживала первый кризис старости, костная система у нее стала выходить из подчинения. Она перечитала все статьи по поводу болезней ног, больше всего ей понравилась одна статья о том, как сохранить кальций в организме, и она бросила пить кофе, на этом она решила, что все рекомендации статьи выполнила и кальций будет у нее в норме. Она купила упаковку кальция из 20 таблеток, выпила четвертую часть таблеток, запила водой и отключилась.

Выспавшись, она принялась за уборку квартиры. Иногда ее доставали боли, но она упорно двигалась, ведь недаром женщины пожилого возраста идут в уборщицы или помогают убирать квартиры своим продвинутым детям! Как ни странно, но именно это и есть народный секрет женской живучести.

Вечером домой пришел Степан. Полина услышала его голос, он разговаривал со своей матерью. Пройдя сквозь пожилую женщину, он предстал перед Полиной в новом наряде. Он был хорош своим внешним обликом. Она посмотрела на себя и сразу поняла, что сегодня он красивее, чем всегда. Полина загляделась на его ноги. Икры его ног просто покорили, они так круто смотрелись, что она сама к нему тянулась. Потом она его рассмотрела полностью, и в целом он был всегда симпатичен.

Отношения у них развивались по типу свободных людей, то есть он жил у себя дома, она жила у себя. До постоянства дело не доходило, этот вопрос Степан усердно тормозил. Она заикнулась пару раз и замолчала. Кем он работал, она так и не выяснила, но за нее он мог при случае заплатить. Деньгами он не сорил, но и не жадничал. Они ладили по этому вопросу полностью.

Иногда Полина возвращалась домой, она знала, что куда-то опять исчез Степан, в которого она чуть окончательно не влюбилась, но пока он не мог ей помочь. Не складывалась

в ее голове картинка его очередного исчезновения. У него были иные задачи, которые она не понимала. Поэтому у нее еще была подруга и друг, который занимался охраной интеллектуалов разного типа, к которым можно было отнести Полину. Может, поэтому Степан иногда навещал Полину?

Полина осталась одна, так бывает после непредвиденных чудес и случайной молодости. Как обойтись без парикмахерских услуг, когда финансы поют романсы? Когда в кармане две копейки серебром, подаренные на 8 марта менеджером. Задача медленно, но выполняемая. И не сразу об этом, вначале о том, как она дошла до такого состояния, когда нет денег.

И вспомнила.

Степан предложил Полине развестись в очередной раз. Она достала из шкафа свидетельство о браке. Они оба одновременно сели на один автобус и вышли на остановке загса. Мужчина пошел налево. Женщина направо. Полина подумала, что Степан платит за развод и спокойно зашла в здание загса. Она вошла в кабинет, спросила, как можно развестись, если оба согласны, а муж уже пошел платить за развод. Ей ответили, что все в таком случае очень просто.

Полина вышла из кабинета и стала ждать Степана с квитанцией.

Он влетел с расширенными глазами:

— Ты что здесь делаешь? Идем со мной!

Полина пошла за Степаном, но, не выдержав его молчания, спросила:

— У тебя что, денег не хватило за развод заплатить?

— Идем, тебя без хитрости никуда не вытянешь. — сказал Степан и привел Полину в ювелирный магазин. — Надо отметить год совместной жизни! Выбирай золото, и на рубины у меня денег хватит.

Полина давно хотела примерить сережки с рубинами, но они оказались тусклые и скучные, а еще замки английские на дорогих сережках, которые можно открыть только ногтями. Сережки оказались не на высоте, замки портили всю продукцию.

Продавец заметила крепление в сережках Полины.

— У нас есть два типа сережек с таким креплением.

Полина посмотрела на сережки в руках продавщицы, выбрала одни. Пара спокойно вернулась в то место, откуда выехала для развода. Полина отвела душу с Степаном. И все встало на место...

Анфиса сказала:

— Полина, ты развод на сережки променяла!

Степан Степанович явился к Анфисе выговориться. Он посмотрел на Анфису, читающую книгу и совсем забывшую про него, собрал со стола посуду после ужина и стал ее мыть. «Вот и вся любовь», — думал он, вода губкой в пене по тарелкам и смывая с их боков пену водой.

Платон шел с работы, задумался, да и позвонил в дверь, можно сказать, по привычке. Дверь открыл Степан Степанович в переднике, пена на руках указывала на его домашний

труд в квартире его бывшей жены, что Платону было хорошо знакомо.

— Привет, — сказал Платон. — Анфиса дома?

— Где ей еще быть? Книгу читает, — ответил Степан Степанович, полностью закрывая собой дорогу в квартиру.

— Я по привычке нажал на звонок, домой иду. — сказал Платон и стал открывать соседнюю дверь ключом.

Анфиса проблемами старшего возраста особо не страдала, она лежала и читала книгу писателя восемнадцатого века, у которого еще при его жизни был стул восемнадцатого века. Она всеми клеточками своего серого вещества мозга пыталась найти нечто общее между своими предками и великим писателем прошлого, пока ей это не удавалось.

Внезапно Анфиса почувствовала, что строчки книги уходят в темноту. Она подняла голову от книги, посмотрела на источник света, но вместо торшера у дивана обнаружила огромную фигуру Степана Степановича.

— Заметила, что я здесь! Анфиса, я к тебе пришел, а не к посуде.

— Простите, Степан Степанович! Я забыла о Вас, зачиталась.

Степан Степанович медленно опустился на колени, сложил свою огромную голову на ее грудь, слегка поводил волосами по платью, как гигантский кот. Молодая женщина не выдержала и погладила большую голову мужчины. Он мед-

ленно стал подниматься и с необыкновенной прытью барса перемахнул через нее и оказался лежащим с другой стороны платья. Анфиса повернулась к Степану Степановичу. Он сжал ее платье со всех сторон своими огромными руками. Она утонула в объятиях мужчины, продолжая держать в одной руке книгу.

— Да выкинь ты эту книгу! — в сердцах воскликнул Степан Степанович.

Анфиса разжала пальцы. Книга выпала из ее руки. Свободной рукой она обняла мужчину.

— Так-то лучше, — проворчал он, освобождая ее от домашнего платья.

— Степан Степанович, может, не надо?

— Еще чего! Мы взрослые люди. Муж тебя бросил. А ты лежишь тут передо мной, слегка платьем прикрытая, вся изогнутая по профилю, ножки свои голые демонстрируешь, а потом говоришь: «Не надо, Степан Степанович».

Анфиса поняла, что никто ее возражения не услышит, и откинулась на спину. Она выгнулась, как кошка. Прощальным взглядом встретилась с торшером и выключила свет.

— Свет чем тебе помешал, или я тебе не по нраву пришелся? — спросил Степан Степанович и уверенным движением расстегнул молнию на платье.

Женщина села и стянула с себя платье, ее ноги были в руках мужчины. Она и встать не могла, но подумала, что сама на стул стала похожа с вытянутыми руками, словно они —

спинка стула с чехлом из платья. Наконец платье опустилось на пол.

Тут же властные, мощные руки вцепились в скромную верхнюю полоску с двумя выступами и слегка подергали маленькую вещичку. Она еще раз села, изображая стул, сняла и эту одежду. Руки мужчины, довольные до безобразия, взяли в свои руки верхние, чувствительные выступы на ее теле, сжали, потом нежно-нежно стали проводить местный массаж чувствительных участков тела, освобожденных от ткани.

В какой-то момент времени рукам это надоело, и они бесцеремонно полезли к ногам. По этой дороге руки столкнулись с еще одной тоненькой одежкой. Руки нервно дергали несчастную тряпочку. Анфиса выкрутилась из последней одежды, оставив ее в руках мужчины.

Внезапно огромная масса тела взлетела над ней в порыве человеческих чувств. А ей очень захотелось выкрутиться из-под этой массы тела, но она практически подчинилась... «Еще немного, еще чуть-чуть» — и две массы тел объединились бы в одну, но как будто кто свыше сообщил об этом четырем людям сразу:

- некто позвонил в дверь,
- зазвонил телефон,
- запели на разные голоса два сотовых телефона.

Пара распалась на две части. Степан Степанович поднял свое огромное тело и рванул к личному сотовому телефону. Анфиса на три части разорваться не могла. Она стала соби-

рать в кучу свои вещи, потом пошла за халатом, потом рванулась к телефону, а сотовый сам замолчал, оставив номер звонившего человека...

У двери стояла Инесса Евгеньевна:

— Анфиса, давай стул. Я его продам, есть покупатель на старый стул.

— Я раздумала его продавать, Инесса Евгеньевна, мне на нем хорошо думается.

— А кто там у тебя по телефону говорит? Платон дома сидит. А ты чего такая лохматая, и лицо у тебя красное, возбужденное...

— Я Вам потом объясню. — сказала Анфиса и попыталась свекровь отодвинуть от двери.

— Ты чего, Анфиса, я тебе помешала?

— Нет, я стул не продаю! Тема исчерпана.

— Анфиса, с кем ты там говоришь?! — прокричал Степан Степанович и высунулся в прихожую.

— Анфиса, ты не одна! — вскричала Инесса Евгеньевна.

— А как же мой Платон?!

— Платон деньги отдает вам? Значит, и живет у Вас, а я сама по себе.

— Бабы, что за разборки в такое время?! — зашумел недовольный ситуацией Степан Степанович. — Что за ерунду вы говорите?

Инесса Евгеньевна слабо, но стала соображать, видимо, на ее гладиолусе очередной цветок распустился:

— Ухожу, ухожу. — сказала женщина и резко прикрыла дверь.

Платон сидел с двумя телефонами: сотовым и обычным, глаза у него были грустные-грустные. Ему было очень плохо.

— Платон, — сказала вошедшая в квартиру Инесса Евгеньевна и замолчала.

— Мама, Анфиса отдала тебе старый стул?

— Ей не до стула, я так поняла ситуацию в ее доме. Она стул не хочет продавать. А ты откуда про стул узнал?

— Анфиса мне стул отдавала склеивать, а потом мы провели серию климатических испытаний с этим стулом по ее просьбе.

— Понятно, а мне сказала, что стул ей от бабушки достался. Платон, ты не мог бы еще двенадцать стульев подвергнуть этим самым испытаниям, которым подвергли первый стул?

— Мать, ты чего? Анфиса просила еще для пяти стульев провести цикл испытаний, а ты уже двенадцать стульев предлагаешь, не много ли тебе?

— А жить всем хочется. Трудно помочь? Хочешь, я выступлю официальным заказчиком этих самых испытаний над стульями? Только надо все сделать так, как было со стулом Анфисы. Стул замечательно смотрится.

— Не понял.

— Ты давно был в антикварном магазине?

— Я туда вообще не хожу.

— Зайди, посмотри, чем торгуем. Где на всех покупателей

антиквара найти? Вот, сами и придумываем вар-антиквар.

— Прости, не сразу понял. Ладно, испортим твои стулья по полной программе. У нас все записано. Кто-то у Анфисы есть? Она тебе говорила?

— Нет, я у нее никого не видела и ничего про других мужчин не слышала.

— А мне показалось, что у нее вместо стула славянский шкаф завелся.

— А шкаф в твою печь не влезет? Мы бы шкафчики сделали...

Анфиса словно очнулась ото сна и внимательно посмотрела на Степана Степановича так, словно холодным душем его облила:

— Степан Степанович, шел бы ты домой, ну не люблю я тебя!

— Чего глупость говоришь? Куда я пойду? Мне и тут нравится.

— Зачем ты ко мне баннным листом прилип? Я думала, что Платон ушел, я одна поживу.

— Это его мать приходила? Красивая женщина!

— Шел бы ты к ней, что ли.

— А возьму и пойду, вдруг не прогонит. — сказал Степан Степанович, надевая рубашку.

— Ты что — всеядный? Тебе все равно, кто и с кем? — спросила Анфиса, застегивая молнию на халате и надевая тапочки на ноги.

— Не знаю. Меня бабы боятся, что прокормить не смогут.

— Скорее последнее. Оделся, тогда счастливо! — сказала Анфиса, не думая о последствиях.

Степан Степанович вышел из квартиры Анфисы, даже не думая на нее обижаться, и решительно позвонил в соседнюю квартиру.

Дверь ему открыл Платон:

— Вы к кому пришли? — спросил он недоумевая.

— Я пришел к Вашей маме. Мне с ней поговорить надо. Я для ее магазина мебель делал.

— Что Вы говорите, только без меня. — сказал Платон и вышел из открытой двери, но тут же позвонил в дверь Анфисы.

Анфиса посмотрела в глазок, увидев знакомый силуэт Платона, открыла дверь.

— Привет, Платон!

— Да мы сегодня уже виделись, просто день выдался длинный.

— Ты прав, проходи, садись.

— Можно, но не на стулья восемнадцатого века.

— Чай с лимоном пить будешь? У меня вафельный торт есть.

— Давай чай, если больше нечего дать.

— Я спать хочу, день трудный был. Сам чай нальешь? Все на кухне.

Платон пошел на кухню, походил, покрутился, вернулся в

комнату. Анфиса спала...

В кресле тихо спал Платон, равномерное дыхание мужчины не нарушало общий покой комнаты. Анфиса, проснувшись, сквозь остатки сна пыталась вспомнить, кто в ее комнате спит. Она чувствовала второе дыхание. За окном светлело. Она перевернулась на другой бок и увидела спящего в кресле бывшего мужа. Его не было несколько месяцев, и она успела от него отвыкнуть, но родные флюиды любимого человека вновь стали тревожить сонный покой.

Платон открыл глаза:

— Привет, Анфиса. Проснулась? Я тут как твой сторож сижу. Точнее, охранник. Я тебя от Степана Степановича стерегу.

— Доброе утро, если не шутишь. Еще есть время поспать, ложись на постель.

— Ты не прогонишь? От тебя всего можно ожидать. Устал я жить гонимым мужем. Я еще не выяснил, что здесь делал Степан Степанович. Вы с ним спали? Вот на этой постели?

— Платон, «что было — то было, и нет ничего, люблю, как любила, тебя одного...»

— Опять на песни перешла вместо слов! А я возьму и лягу рядом с тобой.

Анфиса вся потянулась, перевернулась, укрылась одеялом. Платон прошел в ванную, пошумел водой, вернулся и скромно лег на краю широкой кровати, потом не выдержал, повернулся и нырнул под одеяло к бывшей жене. Они обня-

лись порывисто, страстно и привычно...

Степан Степанович зашел в квартиру к Инессе Евгеньевне:

— Здравствуй, хозяйка! Не прогонишь? Мы одним миром с тобой мазаны, дерево любим.

— Чего от меня хотите?

— Любви и внимания.

— Вы в своем уме? — от возмущения у Инессы Евгеньевны голос стал прерывистым.

— А чего уж я такого предложил? Просто я соскучился. У нас с Вами связь крепче, значит, и любовь будет крепче.

Инесса Евгеньевна задумалась, вспоминая, что там у нее по плану в ее жизни написано, но вспомнить слова астролога не смогла. Она внимательно посмотрела на Степана Степановича:

— Вам сколько лет, молодой человек?

— Я Степан Степанович, мне много лет, я бобыль. Так чем мы не пара? Я знаю больше о Вас, чем Вы можете представить. Вы старше меня, но лет на семь, не больше, а семь лет никогда не считаются...

— Вам сорок лет? А мне все пятьдесят. Вроде и не старая женщина.

— А кто сказал, что Вы старая? Кормить меня не надо сегодня. От Вас я в трех автобусных остановках живу. Вы не бойтесь, у меня есть квартира.

— Скажите честно, я смогу от Вас сегодня избавиться? —

спросила Инесса Евгеньевна со смутной тревогой в голосе.

— Вряд ли. Не тянет меня сегодня домой, у Вас уютней. Мне хочется женского уюта, знаете ли. И мне одному жить надоело.

— Платон сейчас вернется.

— Да ни за что Платон от такой бабы не уйдет!

— А ведь Вы правы, ради его счастья можно Вас потерпеть в своем доме.

— И на том спасибо, мне только диван большой нужен.

— Кровать у меня огромная, ложитесь на нее, а я на диване лягу.

Под утро проснулась Инесса Евгеньевна, спать на диване под пледом ей было неудобно. Она села на диван, сунула ноги в тапки, поправила халат, в котором так и спала из-за чужого для нее человека в квартире. На миг ей показалось, что медведь оказался медвежатником, что он вскрыл ее сейф и скрылся. Она почувствовала дуновение ветра и тревогу в душе.

Набравшись храбрости, женщина вышла в прихожую.

Дверь в комнату, где спал Степан Степанович, была плотно прикрыта. На вешалке для гостей висела его огромная куртка. На полу стояли гигантские кроссовки. Входная дверь светила спокойствием от утренних лучей света, падающих на нее из кухни. Она бесшумно прошла по ковровой дорожке на кухню.

Степан Степанович сидел за столом и смотрел в окно.

— Степан Степанович, почему не спите?

— Меня вчера сам черт попутал, и я к Вам ворвался.

Стыдно, знаете ли, на утреннюю голову. А я ведь и не пил вчера. Простите, если можете, я сейчас уйду.

— Я не отпущу Вас, еще к Анфисе пойдете стучать, звонить! Лучше часок здесь посидите, так надежнее.

— У меня ведь тоже есть сын, ему четырнадцать лет, я с его матерью развелся.

— Так Вы нормальный человек. У Вас все есть. Чего не хватает?

— Женской заботы. Люблю я женское внимание, уход, домашний уют, чистоту.

— Это всем нравится, а чем можете оплатить женское внимание к своей особе?

В куртке, всящей в прихожей, зазвонил сотовый телефон. Степан Степанович быстрым шагом подошел к куртке, достал из кармана телефон:

— Зинаида, привет! Почему рано звонишь? Что? Где он сейчас? Не знаешь?! Время пять утра! Ладно, еду домой, — прокричал с паузами в трубку Степан Степанович и обратился к Инессе Евгеньевне, закрывая крышку телефона. — Инесса Евгеньевна, мне надо уйти. Сын у меня сидит под дверью. Он от матери убежал. А я тут сижу.

— Да, конечно, поезжайте. Машина у Вас есть? Транспорт еще не ходит.

— Я бегом добегу, машины с некоторых пор у меня нет.

— Могу Вас подвезти. Мне и самой интересно, что там с Вашим сыном.

Инесса Евгеньевна предстала перед глазами изумленного Степана Степановича. Она была в джинсах, белых кроссовках, бирюзовом джемпере, связанном поперек, а не вдоль, как обычно вяжут свитера, с ключами от машины и от квартиры, которые она быстро убрала в маленькую сумку, которую тут же повесила на плечо. Степану Степановичу женщина в новом исполнении пришлась по душе. Они сели в золотистую машину Инессы Евгеньевны и поехали к его дому по еще пустым улицам города.

Мальчик сидел на школьном рюкзаке и спал под дверью квартиры своего отца. Степан Степанович нежно поднял его, открыл дверь, ведя сонного сына. Следом за ними в берлогу зашла Инесса Евгеньевна. Однокомнатная квартира дышала запустением, легким налетом пыли. Сына Степан Степанович положил на диван и вышел к Инессе Евгеньевне.

— Спит Паша, просыпаться не хочет. — сказал шепотом Степан Степанович.

— Пусть спит. Выспится, сам все расскажет. Вы матери его позвоните, пусть не беспокоится.

— Да ни за что ей звонить не буду! Еще чего! Она позвонила мне и обо всем забыла. Пьет она, знаете ли, Инесса Евгеньевна.

— Трудный случай, тогда ему лучше у Вас жить, чем с матерью.

— И я так думаю. Теперь он большой, сам пусть решает, с кем жить.

— Так я пойду, Вы сами справитесь.

— Оставайтесь, простите, но комната одна. Мы с Вами посидим на кухне, пока он спит.

Инесса Евгеньевна прошла на кухню, звенящую пустотой холодильника, пылью на плите и мужской неприкаянностью.

— Степан Степанович, из чего здесь можно приготовить? У Вас ничего нет!

— Я все куплю, как только магазины откроются.

— Знаете ли, — сказала Инесса Евгеньевна, произвольно повторяя словечко Степана Степановича. — Не люблю готовить на чужой кухне. Сегодня воскресенье, жду Вас с сыном на поздний завтрак, часам к двенадцати.

— Будем, непременно придем, если Паша не заартачится.

В девять часов утра в квартире Инессы Евгеньевны раздался звонок в дверь, на пороге стоял Платон:

— Мама, у тебя все в порядке, а где Степан Степанович? Анфиса спит. На кухне у нее нет никаких продуктов. Есть хочется.

— Вы помирились? Улыбаешься? Значит помирились. Тогда поехали вместе в магазин за продуктами, по дороге расскажу, где я сегодня была.

Они зашли в универсам, взяли корзину на колесиках и стали обходить магазин по зигзагу, собирая все на своем пути и сбрасывая в корзину.

— Мама, чего так много покупаешь продуктов?

— В двенадцать ко мне придет Степан Степанович со своим сыном, и вы приходите с Анфисой. В честь вашего примирения я всех накормлю полным обедом.

В двенадцать часов дом Инессы Евгеньевны был готов к приему гостей не без помощи Платона. Первой пришла Анфиса, она принесла торт и бутылку марочного крымского вина. Через пять минут появились Степан Степанович и Паша. Резко увеличившаяся семья села вокруг стола на стулья, изготовленные фирмой Степана Степановича.

Завтрак, переходящий в обед и ужин, затянулся на весь день. Платон сидел с Пашей за компьютером. Анфиса мыла посуду после длительной трапезы. Инесса Евгеньевна со Степаном Степановичем разговаривали в гостиной, сидя в двух больших креслах. Между ними стоял мраморный журнальный столик, на котором стояла ваза с фруктами. Они ели виноград и вели беседу.

— У нас с Пашей сегодня праздник жизни получился. — сказал Степан Степанович, отправляя в рот кисточку с виноградом и вытаскивая пустую ветку.

— Мне приятно вас всех накормить обедом. Я редко собираю дома людей, да и некого особо к себе звать. — сказала Инесса Евгеньевна, отрывая одну крупную виноградину от большой кисти и отправляя ее в рот красивыми пальцами с элегантным маникюром.

— Рай у Вас, просто рай, Инесса Евгеньевна! — сказал

Степан Степанович, отрывая следующую веточку винограда.

— Оставайтесь у меня с Пашей. — сказала женщина и сама испугалась собственных слов, но забирать их ей казалось неприличным.

— А если мы согласимся, что делать-то с нами будете?

Мы много едим, ведь мы крупные мужики.

— Что делать буду? Буду ездить с вами за продуктами. Учить вас готовить. Посуду вы мыть умеете.

— А где мы все поместимся?

— Квартира трехкомнатная. Платон помирился с Анфисой, он у нее будет жить, а вы у меня.

— Так давайте объявим о помолвке, я правильно Вас понял? И перейдем на «ты»?

— Не торопитесь объявлять, это вызовет антагонистические толки в наших славных рядах. Пусть все будет так, как само получится.

В этот момент входная дверь распахнулась. На пороге возникли трое мужчин в масках.

— Всем внимание! — прокричал один мужчина, размахивая в воздухе пистолетом, — Мы пришли раскулачивать директора антикварного магазина! Всем выйти в прихожую с поднятыми руками, а хозяйка пусть откроет добровольно свой сейф! У нее должны быть деньги!

Степан Степанович открыл челюсть, потом сомкнул ее. Он посмотрел, что люди потянулись в прихожую, подгоняе-

мые налетчиками. Инесса Евгеньевна подошла к комоду, на котором стояла ваза с гладиолусами, словно хотела цветами защитить себя и близких ей людей. Степан Степанович слегка сжался и медленно вышел в прихожую, там он подмигнул своему сыну, который резко выкинул вверх ногу и выбил пистолет у главаря банды налетчиков. Степан Степанович двумя руками обезоружил двух мужчин и скрутил им руки так, что те закричали от боли.

Через минуту три человека в масках были без масок и держали руки за спиной. Они подобострастно заглядывали в глаза Степану Степановичу. Одним из налетчиков оказался Родион, это он навел грабителей на дом своего директора магазина.

Первая гражданская жена Степана Степановича Зинаида позвонила второй гражданской жене Степана Степановича Полине и сказала ей:

— Полина, хочешь дочь Инну на каникулы отправить?

— Что, правда? Куда?

— Темнота, Паша мне позвонил, так они с отцом живут у директора антикварного магазина. И живут они как у Христа за пазухой.

— Его девчонку Инну не прокормить, вылитая его дочка!

— Я тебе сказала, а ты думай. Директорша и твою дочь прокормит...

Полина позвонила Степану Степановичу:

— Степан Степанович, где отдыхаешь? Возьми дочь от-

дохнуть к себе на неделю.

— Ты чего? Да я сам только пристроился!

— Пашу взял, а Инну не берешь?!

— Что за люди, отдохнуть не дают! Вези дочь ко мне домой.

— Нет, ты не дома живешь, а у самой директорши антиквара.

— Хорошо, привози на наше место встречи, я буду там через час.

Через час Степан Степанович стоял рядом с дочкой лет семи и думал, куда пойти, куда податься. Мимо него проехала Инесса Евгеньевна на золотистом автомобиле, она остановилась рядом со Степаном Степановичем и сказала:

— Степан Степанович, что за красавица с тобой стоит?

— Моя дочь, Инна.

— Имя милое, куда путь держите? Ко мне?

— Что Вы! Мы гуляем. Мать ее дала мне на часовое свидание.

Инна во все глаза смотрела на красивую женщину в золотистой машине.

— Папа, я хочу поехать с этой тетей, у нее машина красивая.

Степан Степанович и Инна сели в машину.

— Степан Степанович, скажи честно, сколько у тебя еще детей?

— У меня всего двое детей, и те живут не со мной. Это

дети моих гражданских жен.

— Если только двое, — задумчиво проговорила она, — бери с собой дочь на неделю, больше я не выдержу. Это в качестве премии за спасение от грабителей.

— Спасибо, Инесса Евгеньевна, век Вам буду благодарен. У нее каникулы начались, она дома у Вас неделю погостит.

Инна пронеслась вихрем по квартире. Она, закончив обход помещений, села в кресло и сказала:

— Папа, мне здесь очень нравится! Я согласна прожить здесь недельку.

Из соседней комнаты вышел Паша. Он с трудом оторвался от очередной игры, которую ему установил Платон, но оставить без ответа слова сестры по отцу он не мог:

— Инна, ты уверена, что тебя здесь оставят жить? Не жирно ли для тебя?

— Здравствуй, Паша! А я буду так себя вести, что меня захотят оставить. Вот!

Она встала с кресла и подошла к Инессе Евгеньевне:

— Я не буду Вам мешать, тетя! Я буду помогать Вам. Вот!

— Деточка, а что ты умеешь делать, чтобы мне помочь? Раньше я без помощников обходилась, а сейчас бы я от помощи не отказалась.

— Я умею пыль стирать с мебели, могу пол протереть, могу посуду помыть.

— Если ты такая трудолюбивая девочка, то я приму твою помощь. Идем, стол накроем для ужина.

Инна расплылась в довольной улыбке. Она вымыла руки и стала беспрекословно выполнять все команды Инессы Евгеньевны. Девочка сама пригласила всех к столу, затем на самом деле вымыла всю посуду. Хозяйка квартиры так была удивлена ее усердием, что помимо своей воли предложила ей занять диван в гостевой комнате. Для нее самой оставалось одно спальное место: одна на двоих кровать со Степаном Степановичем...

Степан Степанович усмехнулся, но промолчал. Он сразу понял, что следует из визита дочери в дом с тремя спальными местами. Честно говоря, он был доволен новым обстоятельствам в своей жизни. Паша прочно занял комнату Platона, его диван, компьютер и начинал носить его вещи.

У Инны вещей с собой не было, это Инесса Евгеньевна поняла сразу, поэтому после завтрака она предложила девочке съездить в магазин, до его открытия у них еще было время на сборы. Инна мгновенно оценила ситуацию и покорно пошла за своим новым спонсором. Они купили самые необходимые вещи для жизни в новых условиях в течение недели. Девочка светилась от счастья, она нежно держала руку тети Инессы и подпрыгивала то на одной ноге, то на другой.

Степан Степанович с удивлением заметил, что ему нравится Инесса Евгеньевна в роли матери его детей. Он даже готов был на главное, а именно на то, чтобы она стала его женщиной. На этот шаг они еще не решались в присутствии Паши, а присутствие Инны, напротив, ускорило их решение

быть вместе.

Инесса Евгеньевна поймала себя на мысли, что играет в чужую жизнь, но эта жизнь все больше ее захватывала своей неожиданностью. Инна изображала из себя горничную и следила за порядком в квартире. Ее настоящая мать последнее время работала администратором в гостинице. Дети уснули, тишина и темнота окутала квартиру. Двое взрослых людей лежали неподвижно на разных краях большой, массивной кровати с полукруглыми спинками, так они и уснули...

В квартире дети прижились. Шла неделя за неделей, а они все еще жили вчетвером. Инесса Евгеньевна все чаще забывала о своем отчестве, Степан Степанович называл ее Инесса, дети — тетя Инесса. Но, оставалось одно, но: ничего не было между взрослыми. Они спали под разными одеялами на большой кровати и боялись перейти последнюю границу.

«Я люблю этот славянский шкаф», — думала Инесса Евгеньевна, вспоминая Степана Степановича, сидя в своем кабинете. Он стоял у нее перед глазами, она очень хотела испытать на ощупь этот славянский шкаф. С каждым днем ей все сложнее становилось держать нейтралитет.

— Инесса Евгеньевна, — ворвалась в кабинет продавщица Лена. — Там, там привезли славянский шкаф!

— Что с ним, он ранен? — спросила Инесса Евгеньевна, продолжая думать о Степане Степановиче.

— Это шкаф. Он очень старый, но сколов на нем не видно.

— Какой шкаф, Леночка?

— Идемте со мной, шкаф в Вашем кабинете не поместится.

Они вышли на улицу.

На фоне кустов цветущей сирени стоял его величество славянский шкаф! Это был уникальный экземпляр славянского шкафа! Метра два шириной, метра два высотой. Он немного напоминал сервант, секретер, шкафы для одежды, но в одном флаконе. Шкаф из дуба — это Инесса Евгеньевна сразу определила по рисунку древесины, из которой был выполнен чудовищный красавец. Весь шкаф с большим мастерством и вкусом был украшен вензелями. Рядом стояли четыре дюжих молодца в униформе строителей.

— Кто хозяин шкафа? — обратилась она к рабочим в спецодежде.

— Мы, — хором ответили богатыри со стройки. — Понимаете, мы старые дома сносим под новые застройки. Мы обходили дом перед тем, как его сломать, и нашли этот шкаф, он был закрыт старыми досками и всяким хламом. Хозяева шкафа уехали в новый дом, а шкаф сдвинуть не смогли. Мы его с трудом к вам привезли. Возьмите шкафчик, пожалуйста.

— Кому я его продам, он такой большой, — начала Инесса Евгеньевна сбивать цену.

— Понимаем, гражданочка. Вы не беспокойтесь, мы много не просим. Заплатите нам, сколько сможете, а мы на чет-

верых деньги и разделим и забудем друг о друге.

— Хорошо, занесите его на склад. Шкаф еще реставрировать надо.

Рабочие взяли деньги, один из них оказался с паспортом, на него и записали сданный в магазин шкаф. Рабочий взял деньги с чеком через кассу, разделил их перед кассой на четыре части, и они отбыли на свою стройку.

Инесса Евгеньевна вызвала реставратора мебели, который при виде шкафа наполнился счастьем до краев и приступил к любимой реставрационной работе. Вскоре на пороге кабинета директора возник Родион.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.